

Л.А. Романова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**КОМПОЗИТНЫЙ ПЕРФОРМАТИВ КАК КОНСТРУКТ
СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
COMPOSITE PERFORMATIVE AS THE CONSTRUCT OF SOCIAL-
COMMUNICATIVE REALITY**

Ключевые слова: конструктивизм, вербальный коммуникативный конструкт, перформатив, канонические перформативы, композитный перформатив, перформативная дискурсивная практика, композитный перформативный дискурс

Keywords: constructivism, communicative verbal construct, performative, canonical performatives, composite performative, performative discursive practice, composite performative discourse

Представленный в работах (Романов, 1988; Романова, 2005; 2007; 2007а; 2008; 2008а; 2009; Романов, Романова, 2007; Романов, Новоселова, 2013; Малышева, Романов, 2012) подход к анализу композитных (комплексных) перформативных образований или перформативных дискурсов опирается на идеи социо-конструкционистского (точнее говоря, социо-коммуникативно - конструкционистского, а также - «социально конструктивистского / социально конструкционистского») видения реальности как определенного «модного символа» новой гуманитарно-научной парадигмы, формирование (но не истоки) которой можно наблюдать в последние годы эпохи постмодернизма» и «стержнем которого стало разочарование в логико-эмпиристских представлениях об истинности и объективности научного знания, выраженного посредством языка» (Ильин, 1996: 67-71; см. также: Ильин, 1989; 1998; Касавин, 2006; 2007; Петков, 2000; Романова, 2005; Романов, Романова, 2007; Улановский, 2006; 2006а).

В рамках данной работы не ставится задача анализировать существующие терминологические дискуссии, разногласия и разночтения по поводу того, что именуется конструктивизмом («constructivism») и конструкционизмом («constructionism») в социальных науках, социологии научного познания, философии и теории искусства. Отметим только, что в рамках предлагаемой работы эти термины подводятся под одно рабочее понятие «конструктивизм / конструкционизм», которое в своей совокупности отражает комплексный - с учетом социальных, психологических, философских и лингвистических идей эпистемологического конструктивизма П. Вацлавика, конструктивистской психологии Ж. Пиаже, Дж. Келли, конструктивистской социологии П. Бергера и Т. Лукмана, феноменологической социологии А. Шюца, а также культурно - исторической психологии Л.С. Выготского - подход под общим названием «эпистемологический коммуникативный конструктивизм», представляющий «собой один из новейших подходов целого спектра социально-гуманитарных

наук» (см. подробнее: Конструктивизм, 2008; Джер-джен, 2003; Харре, 2005; Улановский, 2006), но далекий еще от «парадигмальной устойчивости и теоретико-методологической однозначности» (Касавин, 2007: 99).

На этот факт также указывает А.М. Улановский, подчеркивая, что представляется, вслед за П. Вацлавиком, одним из главных разработчиков эпистемологии конструктивизма, «опрометчиво искать аналогии между понятием конструкции *конструктивистского искусства* с его «машинной эстетикой», с формализмом, механистичностью, абстрактностью и идеями *конструктивистской эпистемологии*, которая совсем в другом смысле говорит и о конструктивности, и о конструировании» (Улановский, 2008: 15; см. так же: Улановский, 2006).

Тем не менее, в существующих работах по данной проблематике выделяются определенные преимущества и недостатки этого направления, которые целесообразно представить в общем виде. Так, среди *преимуществ* позиции эпистемологического коммуникативного конструктивизма, которые имеют для нашего описания отправные моменты, можно выделить следующие:

(а) - конструктивизм расширяет пространство возможного, что позволяет свободно играть с реальностью и со своим опытом, перестраивая мир по своему усмотрению и ожидая от него отклика;

(б) - конструктивизм подчеркивает важность создания метареальности в процессе коммуникации, в которой отношение играет большую роль, чем содержание передаваемого;

(в) - конструктивизм акцентирует внимание на возможности постоянного и активного создания реальности и самого себя, растворения Я субъекта в окружающем его мире, в деятельности, в сетях коммуникации, которые он создает и которые создают, творят его самого.

К существенным *недостаткам* позиции конструктивизма можно отнести то, что субъект деятельности, активно создавая реальность и строя самого себя во взаимодействии с ней, не встречает никакого сопротивления реальности, он не чувствует границ между собственным опытом и реальностью как таковой (см.: Конструктивизм, 2008: 8; также: Романов, Романова, 2007; Романова, 2007; 2007а; 2008; 2008а).

И хотя, как выясняется, сегодня еще нет возможности предложить общую и четкую (отработанную на практике) дефиницию данного подхода, тем не менее, можно определить некоторые базисные посылки, лежащие в основе его феноменологического описания. В первую очередь, к их числу можно отнести выделенные Кеннетом Джердженом (2003: 40–53; см. также: Джерджен, 1995; Gergen, 1994; 1998) пять базисных основоположений, приложимых к данному направлению, а именно:

1) *понятия*, посредством которых мы описываем мир и самих себя *не являются предписываемыми, обуславливающими их объектами* (с. 49);

2) *понятия и формы*, посредством которых мы достигаем понимания мира и самих себя, *являются социальными артефактами*, продуктами исторически и культурно *определяемых взаимообменов* между людьми;

3) *степень*, в которой данное *описание мира или самих себя*, поддерживается во времени не независимо от объективной валидности (истинности) описаний, а зависит от изменений социальных процессов;

4) *язык порождает свои значения в человеческих отношениях* способами, посредством которых он функционирует в паттернах отношений (там же, с. 52);

5) *оценка существующих форм дискурса* заключается в оценке паттернов культурной жизни; такие оценки предоставляют голос другим культурным анклавам.

Акцентируя внимание в большей степени на культуральном аспекте социальной конструируемости мира, К. Джерджен (см. так же: Gergen, 1994; 1998), солидаризируясь с идеями Л.С. Выготского и Дж. Брунера относительно взаимоотношений языка, психологии и культуры, отмечает, что «научная психология ... может достичь более эффективных позиций в отношении культуры, если придет к признанию того, что народная психология обычных людей не является просто рядом самоуспокаивающих иллюзий, а культурными представлениями и рабочими гипотезами о том, что делает их возможными и способствующими совместной жизни людей ... Именно с них начинается психология неотделимая от антропологии» (Джерджен, 2003: 34).

Представляется также очевидным, что в основе базисных посылок социального конструкционизма К. Джерджена находят отклик идеи Л.С. Выготского о том, что любой процесс в развитии высших мыслительных функций реализуется дважды – сперва на социальном уровне, а позже на индивидуальном. Причем, вначале такая реализация осуществляется между людьми (интерпсихологический уровень), а затем - внутри ребенка (интрапсихологический уровень), что в своей основе существенно обогащает сегодня исследования культурной контекстуализации этих процессов.

И хотя, по мнению И.Т. Касавина, переход от кросскультурной к культуральной обусловленности принципов формирования социальной конструируемости мира (т.е. культурных объектов) рассматривается в качестве интеллектуального стимула освобождения («свободы», «деколонизация») личностных установок, тем не менее, остается еще немало проблем. Во-первых, абсолютизация культуральных установок обходит вопросы универсальной метатеории, допуская независимое существование ряда явлений (культуры, мышления, социализации), адекватность эмпирической или интерпретативной методологии в оценке и отражении характера этих явлений, возможность кумулятивного (или фальсифицируемого) знания о процессах социализации (Касавин, 2007: 100 - 102). Во-вторых, используемая в динамике культуральной обусловленности методология конструкционизма проистекает из эмпирицистской метатеории, методы которой проникают между исследователем и изучаемой культурой, ограничивая, транслируя и трансформируя культуральную реальность в собственных понятиях (категориях, переменных, стандартизированном языке, цифрах и т.п.). Но если в опоре на апробированные методы возможно провести разграничение между дисциплинарными границами, то в культуральных исследованиях социального конструкционизма, кажется, что мало внимания

уделяется способам, посредством которых понятия и методы репрезентации внедряются в культуру, хотя конструктивизм как раз и «характеризуется подходами и методами, развивающимися на границах разных наук, на стыке психологии и социологии, литературоведения и политологии, гендерных исследований и лингвистики». Эти проблемные вопросы послужили основанием для возникновения культуральной обусловленности социального конструктивизма, хотя, как отмечает И.Т. Касавин (2007: 100), его контуры были обозначены в ряде каталитических диалогов на протяжении последних 20 лет в социально-гуманитарном знании, направленных на понимание значимости социокультурального конструктивизма.

Отметим еще раз, что на сегодняшний день нет какой-либо одной «теории социального конструирования», как нет, по мнению К. Джерджена (2003: 32-66), и сформировавшегося ряда предписывающих «конструктивистских практик». Поэтому можно говорить лишь о существующем ряде методологических обобщений, характеризующих такую теорию:

(а) *не существует трансцендентально привилегированных описаний того, что мы принимаем как существующее.* Не существует конфигурации слов или фраз, которые позволяют определить мир на «не здесь» и «здесь» (ср. с идеей Л. Витгенштейна о достоверности фактуального – Л.Р.). Мы можем надеяться на согласие в том, что «что-то существует», но что «есть» не может быть описано посредством конфигурации фонем или фраз, используемых людьми в коммуникации об этом;

(б) *описание, даваемое нами миру или самости, находит свое происхождение во взаимоотношениях.* Язык обретает способность к значению из тех способов, которые люди используют для координации самих себя и мира для них. Любой дискурс произрастает из сообщества пользователей языка, и каждый конструкт, который мы принимаем, является сингулярным объектом в разных аспектах. Сообщество физиков может определять объект как «конфигурацию атомов», рекламщики описывают его как «легкий и прочный», историки искусства как «модернистский». Именно благодаря такому роду взаимоотношений наши миры создаются: через то, что мы воспринимаем как полезное, ценное, заслуживающее внимания, конституируются наши обязательства. Благодаря взаимоотношениям мы можем в любое время начинать процесс реконструирования мира;

(в) *язык в первую очередь функционирует как социальное действие, конституирующее одну или несколько традиций.* Так как то, «что есть» не предъявляет внутренне присущих требований к нашему языку, слова обретают свои значения через их использование в человеческих взаимоотношениях. В этом смысле фрагменты речи связываются с улыбкой, рукопожатием, объятиями; являются формой действий, обретающих значение через координацию людей. Участие в языке является, таким образом, участием в жизни, традиции;

(г) *дискурсивно конституируемые традиции являются и существенными, и опасными.* Как только мы включаемся в координацию, мир становится «значимым» для нас. Мы обретаем идентичность как конкретные люди со своими интересами, целями, идеалами и пристрастиями. Характеристика ценностей

проявляется именно в процессе наших взаимоотношений, мы планируем их, определяем свой выбор, обособляем себя от других;

(д) *через коммуникативные взаимоотношения мы можем генерировать новую упорядоченность значений, из которых появляются новые формы действий.* Так как значение является продуктом мыслительной деятельности человека, в случае возникновения сомнений в отношении их пригодности к существующим условиям координации действий они всегда открыты для трансформации, нового мира, по мере которой мы приглашаемся к новой сфере действий;

(е) *конструктивизм является антифундаментализмом.* Не существует фундаментальной реальности или очевидных оснований, направляющих любую форму интеллектуальной активности в области исследований социальных наук. Возможны различные теории, методы и практики, каждая из которых отражает те или иные традиции, те или иные формы жизни (выделено курсивом – Л.Р.)

Из приведенных К. Джердженом обобщений можно заключить, что эпистемологический конструкционизм / коммуникативный конструктивизм придает большое значение «контингентности» (зависимости от обстоятельств, условности) сознания (т.е. сознания, «условного», «зависящего от обстоятельств»), и деятельности (в нашем случае, вербальной в виде перформативных и перформансных практик или действий) по отношению к специфическим формам культуры и жизненным сценариям. В этом контексте сознание трактуется как «то, что не имеет фиксированной сущности» (Касавин, 2007: 100), но строится из культурно - символических ресурсов в виде подобия набора речевых (дискурсивных), в том числе и перформативных действий или перформативных практик общения.

Дискурсивная практика, как её предлагает понимать Ром Харре (2005: 44-45), представляет собой все возможные (в том числе и невербальные) символические способы продуцирования психологических и социальных реальностей. Следовательно, для коммуникативного конструкционизма *компози́тный перформативный дискурс* - это институализированная (политическая, культурная, дисциплинарная или существующая на уровне малых групп) *форма применения языка* или подобных ему знаковых систем. С помощью дискурсов создаются версии реальности, ибо, как подмечает Р. Харре (2005: 46), «знать что-либо означает знать в терминах одного или нескольких дискурсов». В определенной мере социально - теоретические функции дискурса «сопоставимы с ролью концептуальных схем в философии науки: это то, благодаря чему некоторое явление получает свою определенность» (там же). Вместе с тем, концептуальная схема представляет собой набор статичных интерпретационных репертуаров (сценариев), которыми владеет говорящий индивид и которые реализуются посредством дискурсивных практик как естественно-языковых образований (Романов, 1991). Таким образом, компози́тная перформативная практика есть естественно-языковая дискурсивная практика, функционально коррелирующая с иллокутивной доминантой перформативного компози́тного образования как конструкта.

С этих позиций композитный перформативный дискурс может быть описан как «многогранный публичный процесс, посредством которого осуществляется динамичное, постепенное достижение значения» (Харре, 2005: 46; см. также: Харре, 2006). И как следствие, *такой дискурс не только конституирует реальность для своих носителей, он одновременно продуцирует и их собственную субъективность* коммуникативной реальности как единство тождества личности и динамики ее множественных «Я». Продуцирование множественных Я - этой «быстротечной панорамы мидовских «те» - происходит в ходе конверсационного взаимодействия» (Джерджен, 2003: 52). Отсюда и стремление представителей конструктивизма, в том числе и коммуникативного, рассматривать дискурс любого порядка (и композитного перформативного) как основной принцип социальнокоммуникативной интеракции.

С этих позиций композитные дискурсивные перформативы как специфический (не явно выраженный в системе языка, а специально или функционально предназначенный для особых форм социальной интеракции, т.е. как особый криптокласс) класс языковых единиц играют особую роль в системе знаковых средств социально-коммуникативной интеракции, в конструировании новых социально - коммуникативных отношений между участниками определенных интеракций жизненных сценариев, непосредственно определяя специфику формата отношений и координации между собеседниками.

Здесь в первую очередь необходимо вновь подчеркнуть роль композитных перформативных конструкций *быть способными и пригодными расширять в специфической форме*, т.е. в форме социально обусловленных конвенций, например, в условиях правомочности произнесения тех или иных перформативных конструкций как Я - высказываний, *коммуникативное пространство возможных отношений* между участниками социальной интеракции. Например, высказывания рус. (1) *Я объявляю вам выговор!* (2) *Я должен (вынужден) объявить вам выговор!* (3) *Обстоятельства требуют (вынуждают) от меня объявить вам выговор* и англ. (4) *I reprimand you!* (5) *I have to reprimand you!* (6) *Under the circumstances I have to reprimand you!* обладают перформативным свойством одновременно (т.е. в момент говорения и исполнения, одномоментно) как вербально, так и социально совершать акт вынесения определенной степени наказания.

Однако в этом плане канонический перформатив (1) отличается от композитных перформативов (2 и 3) тем, что его произнесение влечет за собой установление вновь сложившихся (или складывающихся в момент акта речи, т.е. действия в «образе» речи) отношений между коммуникантами, а именно: высказывание (1) устанавливает факт нарушения одним из собеседников какой-либо социально - коммуникативной конвенции жизнедеятельности субъектов в том или ином типовом сценарии жизненного пространства и этот факт определяет, что с этого момента (с момента действия в «образе» речи) их социально-личностные отношения претерпели существенные изменения, так как один из них уже является (становится) нарушителем, например, трудовой дисциплины в рабочем коллективе, а

другой, который по условию трудовых взаимоотношений обязан следить за поддержанием трудовой дисциплины, выступает одновременно в ролях «обвинителя» и «исполнителя приговора» по факту данного нарушения. С этих позиций система межличностных (социальных) отношений между участниками интерактивной конверсации приобретает следующий вид: *новая реальность* -----> новые обстоятельства -----> *новые отношения* -----> ± (плюс или минус) субъективность -----> (+) личная заинтересованность -----> (негативный / нейтральный) *отклик адресата*.

Иная картина наблюдается с композитными перформативами (2 и 3), где помимо названного свойства (т.е. расширение конструируемой коммуникативно-социальной действительности или реальности) эти высказывания прагматически нацелены (используются) на координацию отношений между участниками социально - коммуникативной интеракции. Так, в случае (2) говорящий не только обвиняет и исполняет одновременно «приговор» по поводу нарушения социальной конвенции, устанавливая место личностно - социальных отношений с адресатом в системе социальной институциональности, но он тем самым еще и координирует специфику таких (сложившихся, установленных) отношений в этой системе социальных показателей.

При использовании композитных перформативных высказываний (2 и 3) на первый план выдвигается непреложность реальной необходимости (*Я вынужден (должен)...*) создания новых условий исполнения своей роли в цепочке взаимосвязанных и взаимообусловленных событий: *новая реальность* -----> новые обстоятельства -----> *новые отношения* -----> - (минус) субъективность -----> - (минус) личная заинтересованность -----> (положительный / нейтральный) отклик адресата.

Но как показывает языковой материал, использование композитных перформативов в такой форме (например, высказывание - 2) прагматически обусловлено объективной необходимостью поддерживать конвенционально принятые социально-личностные отношения между собеседниками для амортизации или полного снятия напряжения межличностных отношений в социальной коммуникации. Кроме того, очевидна и функциональная способность композитных перформативов выступать в роли регуляторов (не путать с регулятивами в концепции А.А. Романов, 1988) с целью координации сложившихся в новой реальности личностно-социальных отношений между собеседниками и экспликации условий контроля говорящего над собеседником, отражая прагматическую особенность динамического аспекта (усиления или ослабления контроля) социально-личностных отношений между участниками интеракции.

Достаточно показателен в этом плане пример (3), когда перформативность высказывания маскируется под действия «неотвратимых обстоятельств», которые, с одной стороны, формально ослабляют перформативное воздействие (степень или уровень перформативности и интенсивность её глубины) высказывания, но, с другой стороны, и в то же время сохраняют его прагматическую предназначенность для установления

новых социально - личностных отношений между участниками интеракции. Особенно такой эффект маскировки перформативного воздействия (перформативности) проявляется при использовании в конструкции композитных перформативов модальных или близких к ним глаголов, когда перформативность «прячется» (скрывается) за содержанием наличия или сомнения знания / незнания высказанного действия. Тем самым говорящий демонстративно эксплицирует ослабление личностного взаимодействия (уровень контроля) на собеседника, ср.: (7) *Я намерен (должен / обязан / вынужден) вызвать вас на дуэль! ----> Я вызываю вас на дуэль;* (8) *Я хочу (Я не могу не) признаться вам в любви! ----> Я люблю вас!* Аналогично в англ.: (9) *I intend to (have to / am to / am obliged to) challenge you to a duel! ----> I challenge you to a duel;* (10) *I want (cannot but) make a declaration of my love to you! ----> I love you!*

Попутно заметим, что ослабление личностного взаимодействия также характерно и для перформансных (постановочных, сценарных, специально прописанных и созданных) действий и интеракций, несмотря на их формальную (в манифестационном плане) близость к композитным перформативам, так как при перформансе говорящий одновременно выступает и как актер (деятель, автор действия, говорящий), и как актер, исполняющий свое действие для адресата, который представлен условно (в зале, он не выбран говорящим) в виде множества, публики, не конкретизированного адресата. Именно отсутствие конкретизации адресата для установления новых условий социально - личностных отношений ведет к ослаблению перформативности и её замене (трансформации) на перфóрманс, даже если при этом будут схожими формальные показатели, например, употребление *Я* – формы дискурсивных практик. И тогда перформативность становится не более чем градуальным признаком перфóрманса. Кстати сказать, подобная маскировка уровня перформативности, спрятанная («упакованная формально») за экспликацией наличия «кажущегося незнания» у одного из участников социальной интеракции, наблюдается также в использовании вопросительных конструкций с частицами *ли / бы*, что (использование) служит прагматическим фактором активного побуждения адресата к отклику (ср. понятия «прагматический императив» и «императивный нарратив» в работах: Романов, 1981: 94 – 96; 1995: 53 – 58;). Ср.: рус. (11) *Не можешь ли / мог бы ты открыть окно? → Я прошу тебя открыть окно! → Если можешь, то открой окно!* Аналогично и в англ. (12): *Could you please open the window → I ask you to open the window!*

Приведенные примеры показывают, что:

а) в перформативные композитные конструкты вплетены не просто «желания, устремления, цели, выраженные говорящим при помощи (посредством) языка», и их направленность на синергийность («сотрудничество») другого, а также набор конвенций и правил, которыми руководствуется структурированное социальное целое. Степень и характер такой вплетённости («подстройки») под другого при помощи варьирования иллюкутивными показателями) маркируются дополнительными строевыми

показателями, растворяющими свое лексическое значение в значении перформативного имени всего конструкта;

б) социальные отношения («социальное целое») складываются в или базируются на ритуальных (меметических, повторяющихся) взаимодействиях между индивидами с учётом их «корпорального (телесного) фактора, фактора социального поведения» (Романов, 2004; 2008), являющегося существенной частью специфического характера социального целого. Поэтому перформативность вообще и композитная перформативность в частности есть одно из условий формирования социального целого, состоящего, в том числе, из набора социально-коммуникативных действий. В этом случае композитная и каноническая перформативность социального действия может указывать на то, что социальное поведение интерактивно и что оно осуществляется в пределах сценарных проявлений (в инсценировках и представлениях «форм жизни», по Л. Витгенштейну) телесности индивида. Следовательно, их прагма-коммуникативный статус не сводим ни к значению их отдельных строевых (конструкционных) элементов, ни к интенциональности (направленности внимания на отдельный объект), ни к функциональности как конкретной области совокупных проявлений естественно-языковых практик.

Очевидно, что основная лингвопрагматическая идея композитных перформативов как конструктов социо-коммуникативной реальности заключается в том, что в культурологическом пространстве жизнедеятельности индивида сформирована (выработана, существует, имеется) такая семиотическая (семиотически значимая) система коммуникативных конструктов, которые *обеспечивают* (призваны или служат с целью обеспечивать) *успешную* (эффективную, не противоречивую, синергичную) *социализацию и самоидентификацию* говорящей личности в интерактивном пространстве её сценариев жизни (жизненных сценариев). Ядро такой системы составляют композитные перформативные конструкты, которые, образуя самостоятельный отдельный, но в точности ещё не выявленный класс (т.е. криптокласс) таких единиц, обладают специфическими свойствами и особенностями, а именно:

- *структурными особенностями*: отличием их поверхностной (манifestационной, тектонической, структурной) репрезентации (структуры) от классических канонических перформативных выражений, предложенных Дж. Остином и Дж. Сёрлем и их последователями;

- *семантическими особенностями*: совмещением семантических ролей в аргументных позициях в зависимости от семантического типа перформативного предиката (например: совмещение в директивных или побудительных композитных конструкциях семантических ролей или падежей, по Ч. Филлмору, агенса и экспериенса в первой аргументной позиции и пациенса и агенса (агентива) во второй аргументной позиции; в типовых декларативных композитных конструкциях наблюдается совмещение во второй аргументной позиции семантических ролей экспериенса и агенса (агентива), в то время как первая позиция остается

прежней: агенс и экспериенсив: ср. *Я должен пообещать тебе принести книгу* – Агенс / экспериенсив – *обещать* – экспериенсив / агентив – *принести тебе книгу*, т.е. *я обещаю тебе, я принесу тебе книгу, я «совершаю действие (т.е. приношу книгу) в пользу тебя»* (Романова, 2009). Сходня картина совмещения отмечается и в других выделенных типах композитных перформативных конструкций;

- *функциональными или прагматическими особенностями*, позволяющими не рассматривать коммуникативный конструкт в качестве синонима любой языковой Я-конструкции, так как он суть сформированное при помощи мыслительной деятельности образование, включающее опыт говорящего субъекта в познание - как научное, так и обыденное - и закрепляющее его как реализованный опыт в осознанном или, чаще всего, в бессознательном виде в систему социальной реальности отношений, т.е. в процесс социальной коммуникации.

Поэтому выделенные семантические особенности, присущие криптоклассу перформативных композитных конструктов, характеризуют социально-коммуникативное поведение взаимодействующих субъектов - говорящего и слушающего – в двух ипостасях, а именно:

- *во-первых*, композитные перформативные конструкции служат (используются) для реализации смены существовавших до момента использования (применения) композитных перформативных конструкций социально - конвенциональных отношений между участниками коммуникативного взаимодействия, а

- *во-вторых*, использование (функционирование) таких конструкций в соответствующих условиях социальной коммуникации позволяет рассматривать их в качестве функциональной (прагматической) основы формирования иной или вторичной коммуникативной реальности, когда после произнесения таких композитных перформативных конструкций образуется уже другая коммуникативная реальность с новыми отношениями между участниками социальной коммуникации и новыми исполнениями семантических ролей с целью формирования и выработки системы регулятивных отношений её участников в коммуникативном пространстве социума, т.е. в системе социальных ожиданий, «экспектаций», по А. Шютцу.

Условно такая система взглядов сведена к понятию «*коммуникативный конструктивизм / конструкционизм*», где на первые роли выдвигается говорящий как владеющий языком, как пользователь эффективным инструментом индивидуального поступка, т.е. коммуникативного действия, направленного в сферу социальных ожиданий сообщества, что позволяет говорить о языке в первую очередь как о совокупности действий, и лишь затем как о системе значений. Сказанное означает, что пользование языком есть не что иное, как осуществление (реализация) социального поведения, подтверждая тем самым мысль А.А. Леонтьева о том, что «язык как средство общения возникает как следствие появления социальных функций общения».

Также можно констатировать, что перечисленными особенностями криптокласс композитных перформативов отличается от класса

канонических перформативов, используемых, главным образом, для описания того, каким образом язык репрезентирует мир (констативы или нарративы, например) и что происходит в актах речи при их использовании (остиновская триада локутивности, иллюкутивности и перлокутивности).

Итак, использование композитных перформативных конструкций в социальной интеракции в виде особого криптокласса социального семиозиса обусловлено необходимостью и важностью создания новой реальности (или коммуникативной метареальности) в процессе интерактивного обмена, где (в новой реальности) отношения между интерактантами приобретают (получают) большее значение, чем содержание передаваемого в каноническом перформативном высказывании. Использование композитных перформативных конструкций в социальной коммуникации также предоставляет возможность «играть» с реальностью и с опытом (с когнитивной базой, «запасом знания», по А. Шютцу) собеседника, перестраивая её в соответствии с личностными установками и собственным «углом зрения» на различные события и факты (ср. «информационные войны», «смысловые войны»), ожидаемыми откликами и социальными потребностями. Функционирование композитных перформативных конструкций в социальной коммуникации раскрывает специфику действий коммуникативного субъекта по созданию новой реальности (коммуникативной метареальности), обозначая ее границы и «зоны приложимости» таких конструкций к ней и к системе социально-личностных отношений интерактантов.

Литература

Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: Хрестоматия. – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 51 – 73.

1. Джерджен (Герген) К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Пер. с англ. – Минск: Изд-во БГУ, 2003. – 218 с.

2. Ильин И.П. Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. – М.: Интрада, 1988. – 28 с.

3. Ильин И.П. Постструктурализм и диалог культур. – М.: Интрада, 1989. – 60 с.

4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - Москва: Интрада, 1998. – 255 с.

6. Касавин И.Т. Дискурс - анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философские науки. – 2006а, т. X., № 4. – С. 5 – 16.

7. Касавин И.Т. Дискурс - анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. - 2007, № 6. – С. 97 – 119.

8. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008, № 3. – С. 3 – 37.

9. Мальшева Е.В., Романов А.А. Тактильная коммуникация в диалоге: вербально-кинестетический аспект. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing: LAP Lambert, 2012. – 170 с.

10. Петков Т. От Остина и Бурдые - к логике молекулярных перформативов // Критика и семиотика. Вып. 1-2. – 2000. – С. 53 – 59.

11. Романов А.А. О соотношении перформативного значения и перформативной функции // Проблемы семантических исследований. – Барнаул: Барнаульск. гос. пед. ин-т, 1981. – С. 94 – 96.

12. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

13. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов / Отв. ред. проф. А.А. Романов и А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – С. 82 – 100.

14. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. – Тверь: «Фамилия», 1995. – 240 с.

15. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции: функционально-семантический анализ. – М. - Тверь: Ин-т языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

16. Романов А.А., Романова Л.А. Теория речевых актов в парадигме психо-семио-социального конструкционизма // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». – 2007, № 44. – С. 82 – 84.

17. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативный дискурс в парадигме социального конструкционизма // Культура как текст. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции. Вып. VII. – Москва: Ин-т языкознания РАН, Смоленск: СГУ, 2007а. – С. 81 – 96.

18. Романов А.А. Психосемантика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: ИЯ РАН, 2004. – С. 5 – 158.

19. Романов А.А. Вербо и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: Две карты человеческого тела. – М.: ИЯ РАН, 2008. – С. 4 – 144.

20. Романова Л.А. Речевая суггестия в структуре убеждающего дискурса // Языковая личность в дискурсе: Полифония структур и культур / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – С. 122 – 132.

21. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – 120 с.

22. Романова Л.А. Категориальный статус перформативности в современном гуманитарном дискурсе // Наукові записки Луганського національного університету. Вип.7. Т.3. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць [Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття]. Луганськ. нац. ун-т ім Тараса Шевченка. – Луганськ: Альма-матер, 2008. – С. 138 – 143.

23. Романова Л.А. Перформативность как феномен социальной коммуникации // Cognitive Modelling in Linguistics. The X-th International

Conference. Bechichi, Montenegro September 06 – 13, 2008. – Bechichi, 2008a. – P. 162 – 165.

24. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 180 с.

25. Улановский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. – 2006, № 4. – С. 129 – 141.

26. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. – 2006а, № 3. – С. 27 – 37.

27. Улановский А.М. Выступление // Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008, № 3. – С. 15 – 16.

28. Харре Р. Союз дискурсивной психологии с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. – 2005, Том VI. – № 4. – С. 38 – 63.

29. Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. – 2006, № 11. – С. 94 – 103.

30. Gergen K.J. Realities and Relationships: Soundings in social Construction. – Cambridge (MA): MIT, 1994. – 287 p.

31. Gergen K.J. Constructionist dialogues and the vicissitudes of the political // Velody I., Williams R. (eds) The Politics of Constructionism. – London: Sage Publications, 1998. – P. 12 – 27.

(0,7 п.л.)